

Новицкий Василий Федорович

**Путешествие по Монголии, в
пределах Тушетухановского и
Цецен-хановского аймаков Халхи,
Шилин-гольского чигулгана и
земель чахаров Внутренней
Монголии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
В19

В19 **Василий Федорович Н.**
Путешествие по Монголии, в пределах Тушетухановского и Цецен-хановского аймаков
Халхи, Шилин-гольского чигулгана и земель чахаров Внутренней Монголии / Новицкий
Василий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 419 с.

ISBN 978-5-521-25408-8

ISBN 978-5-521-25408-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Осенью 1905 года, послѣ заключенія мирнаго договора съ Японіей, въ нашихъ арміяхъ, стоявшихъ въ Маньчжуріи, настало тоскливое, скучное время. Вопросы, связанные съ эвакуаціей войскъ, разрѣшались медленно и неопредѣленно, а потому пребываніе въ Маньчжуріи грозило затянуться надолго, что беспокоило насъ всѣхъ въ виду полного отсутствія какого-либо дѣла. Вотъ въ это-то время, часто обращаясь мыслями къ малоизслѣдованнымъ странамъ, прилежающимъ къ Маньчжуріи, я составилъ планъ поѣздки, имѣвшей цѣлью пересѣчь Монголію съ востока, отъ линіи Китайской Восточной ж. д., на западъ, къ нашимъ предѣламъ гдѣ-либо южнѣ Байкала или въ окрестностяхъ озера Косогола. Этотъ планъ былъ мною изложенъ въ докладной запискѣ, поданной главнокомандующему, который отнесся къ нему весьма сочувственно. Однако, необходимость снестись по этому вопросу съ начальникомъ генеральнаго штаба и съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, настолько затянула разрѣшеніе этого вопроса, рѣшеннаго, въ концѣ концовъ, въ благопріятномъ для меня смыслѣ, что я могъ приступить къ снаряженію своей экспедиціи лишь въ послѣднихъ числахъ октября. Но и затѣмъ, различныя, независящія отъ меня, обстоятельства тормозили это снаряженіе, и такъ какъ выступленіе въ такую поѣздку въ зимнее время представлялось во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, то рѣшено было отложить ее до болѣе благопріятнаго времени, а ассигнованныя на нее деньги, въ размѣрѣ 3.000 рублей, были переведены въ распоряженіе начальника генеральнаго штаба.

Въ концѣ 1905 года были расформированы штабы армій и я вернулся въ Петербургъ, въ главное управленіе генеральнаго штаба. Въ началѣ весны 1906 года, вопросъ о моей поѣздкѣ въ Монголію былъ вновь возбужденъ и вслѣдствіе сочувствія

къ моимъ предположеніямъ со стороны начальника генеральнаго штаба, получилъ быстрое и благопріятное разрѣшеніе.

Исходнымъ пунктомъ для своего путешествія я избралъ городъ Троицкосавскъ, Забайкальской области. Общій планъ поѣздки измѣнился сравнительно съ первоначальнымъ: теперь предположено было не одно лишь пересѣченіе Восточной Монголіи, а изслѣдованіе остававшихся до сихъ поръ неизслѣдованными нѣкоторыхъ мѣстностей между меридіаномъ города Урги и Хинганскимъ хребтомъ. Соотвѣтственно этому была увеличена продолжительность поѣздки до семи мѣсяцевъ.

Въ помощь мнѣ, по распоряженію начальника военно-топографическаго управленія, былъ назначенъ картографъ управленія, классный военный топографъ, надворный совѣтникъ М. О. Круковский, оказавшій весьма цѣнныя услуги экспедиціи почти во всѣхъ ея работахъ. Въ конвой экспедиціи, распоряженіемъ штаба войскъ Забайкальской области, были назначены 6 казаковъ 1-го Читинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска, которые должны были присоединиться къ намъ въ г. Троицкосавскѣ.

Помимо всего этого, вслѣдствіе ходатайства начальника генеральнаго штаба, принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ организаціи этого предпріятія, военный совѣтъ значительно увеличилъ денежный отпускъ на экспедицію, ассигнованіемъ мнѣ и моему помощнику денегъ на путевые расходы, на подъемъ и суточныхъ за все время командировки. При этихъ условіяхъ, 3.000 рублей, ассигнованные раньше, могли цѣликомъ пойти на экспедиціонное снаряженіе на мѣстѣ, т. е. на формированіе транспорта, наемъ проводниковъ, содержаніе экспедиціи въ предѣлахъ Монголіи и проч.

Не осталось безучастнымъ къ этому предпріятію и Императорское Русское Географическое Общество, которое снабдило насъ рекомендаціей къ своему Троицкосавско-Кяхтинскому отдѣленію и исхлопотало у министра путей сообщенія, для меня и М. О. Круковскаго, бесплатный проѣздъ въ вагонѣ 1-го класса до Верхнеудинска и обратно, что, конечно, повлияло очень благопріятно на экспедиціонные расходы.

Инструментами и приборами для астрономическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ работъ, экспедиція была

снабжена военно-топографическимъ управленіемъ генеральнаго штаба и Географическимъ Обществомъ.

Для опредѣленія широтъ и долготъ намъ былъ выданъ малый универсальный инструментъ Гильдебрандта и три карманныхъ хронометра (одинъ—звѣздный и два—солнечныхъ); для топографическихъ работъ—кипрегель (съ мензулой на треногѣ) и бусоли Шмалькальдера и Керниха; для наблюденія температуры и влажности воздуха—аспираціонный психрометръ Асмана и предѣльный термометръ, а для опредѣленія высотъ—гипсотермометръ Мюллера и два анероида Ноде (одинъ—столовый и одинъ—карманный).

Изъ этихъ инструментовъ остался безъ употребленія кипрегель, потому что ни время, имѣвшееся въ нашемъ распоряженіи, ни характеръ экспедиціонныхъ работъ, не позволяли намъ заниматься точной инструментальной съемкой, вмѣсто которой М. О. Круковский въ теченіе пяти мѣсяцевъ велъ изо дня въ день глазомѣрную маршрутную съемку, въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ. Эта съемка, представляющая собой сплошной круговой маршрутъ, протяженіемъ около 3.200 вер., опирается на 21 астрономическій пунктъ, вновь опредѣленный М. О. Круковскимъ во время нашей поѣздки.

Метеорологическія наблюденія, веденныя ежедневно, три раза въ день, а также гипсометрическія измѣренія, лежали на мнѣ. Мною же производились ботаническіе, зоологическіе и энтомологическіе сборы, въ которыхъ большое участіе принималъ и М. О. Круковский, особенно же въ сборахъ зоологическихъ, въ виду своихъ специальныхъ познаній и большого опыта въ дѣлѣ препарированія птичьихъ и звѣриныхъ шкуръ.

Обращаясь нынѣ къ результатамъ своего путешествія, описаннаго въ настоящей книгѣ, считаю своимъ долгомъ упомянуть о тѣхъ лицахъ, безъ содѣйствія которыхъ эти результаты или не были бы достигнуты, или потребовали бы значительно болѣшихъ денежныхъ затратъ и усилій.

Въ этомъ отношеніи я въ особенности обязанъ просвѣщенному содѣйствію бывшаго начальника генеральнаго штаба, генерала-отъ-инфантеріи Ф. Ф. Палицына и вице-предсѣдателя И. Р. Г. О., д. т. с. П. П. Семенова-Тяньшаньскаго, которымъ и

приношу свою глубокую благодарность за доставленную мнѣ возможность внести свою лепту въ великое дѣло землевѣдѣнія.

Благодарю также за различныя услуги, оказанныя экспедиціи, предсѣдателя отдѣленія физической географіи И. Р. Г. О.—Ю. М. Шокальского и секретаря общества—А. А. Достоевскаго, а также кяхтинскихъ дѣятелей—правителя дѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія И. Р. Г. О.—Ю. Д. Талько-Гринцевича и М. А. Бардашева, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе при снаряженіи экспедиціи въ городъ Троицкосавскъ.

Не могу не вспомнить добрымъ словомъ и моихъ сотрудниковъ—М. О. Круковского и казаковъ: Коркина, Бадмаева, Иванова, Мункуева, Галсанова и Катыкова, облегчавшихъ мнѣ своей усердной и самоотверженной работой достиженіе цѣлей, поставленныхъ экспедиціи.

В. Новицкій.

17 декабря 1910 года.
г. С.-Петербургъ.

ЧАСТЬ I.

Въ Кентейскихъ горахъ.

I. Въ Троицкосавскѣ.

Прибытіе въ г. Троицкосавскъ. Ночью съ 13 на 14 іюня я и мой спутникъ М. О. Круковский прибыли въ г. Троицкосавскъ, куда мы едва дотащились на третьи сутки по отвратительному почтовому тракту, соединяющему Верхнеудинскъ съ Селенгинскомъ, Троицкосавскомъ и Кяхтой. Въ Троицкосавскѣ намъ предстояло сформировать свой обозъ, пополнить свое снаряженіе, начатое еще въ Петербургѣ, принять конвойныхъ казаковъ, вообще произвести рядъ работъ, требовавшихъ довольно продолжительнаго пребыванія въ этомъ городѣ. Это вынудило насъ, переночевавши на земской квартирѣ, нанять себѣ отдѣльную квартиру, которую мы нашли въ домѣ мѣстной домовладѣлицы, вдовы Е. К. Хребтовской, гдѣ, кромѣ помѣщенія для насъ и казаковъ, находился обширный дворъ, необходимый намъ для лошадей и телѣгъ.

Г. Троицкосавскъ, со своей торговой слободой Кяхтой, расположенъ на монгольской границѣ, на большомъ торговомъ пути, ведущемъ изъ внутреннихъ областей Китая, черезъ Восточную Монголію въ нашу Забайкальскую область. Этотъ городъ издавна служилъ исходнымъ и конечнымъ пунктомъ многихъ географическихъ экспедицій, либо отправлявшихся отсюда для изслѣдованія невѣдомыхъ областей Китая, либо возвращавшихся оттуда. Однако, трудно было бы найти другой пограничный городъ въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, менѣе приспособленный для формированія экспедиціонныхъ транспортовъ и необходимаго для нихъ снаряженія. Осмотрѣвшись и ознакомившись съ мѣстными условіями города, мы отъ души пожалѣли, что, ограничивши свое петербургское снаряженіе, возложили слишкомъ много надеждъ на снаряженіе въ Троицкосавскѣ. Разочарованіе постигло насъ не только

въ отношеніи европейскихъ издѣлій, но даже мѣстныхъ, а также относительно перевозочныхъ средствъ.

Снаряженіе. Имѣя въ виду, въ общемъ, равнинный характеръ тѣхъ монгольскихъ областей, въ которыхъ намъ предстояло странствовать, я рѣшилъ сформировать телѣжный транспортъ, снаряженіе котораго казалось мнѣ наиболѣе легкимъ. Однако, приобрѣтеніе хорошихъ и прочныхъ телѣгъ оказалось столь же затруднительнымъ и хлопотливымъ, какъ и покупка лошадей, купля-продажа которыхъ здѣсь совсѣмъ не организована. Большой вывозъ монгольскихъ лошадей въ Маньчжурію, въ предѣлы Забайкалья и во внутреннія области Китая во время послѣдней войны, сильно поднялъ на нихъ цѣны, а также сократилъ торговлю лошадьми на границѣ. Наше снаряженіе затруднялось, кромѣ того, опозданіемъ казачьяго конвоя, назначеннаго въ мое распоряженіе отъ 1-го Читинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска и прибывшаго изъ Маньчжуріи лишь 23-го іюня. Съ прибытіемъ казаковъ, работы по снаряженію пошли успѣшнѣе и къ вечеру 28 іюня у насъ былъ сформированъ небольшой колесный транспортъ, состоявшій изъ трехъ двухколесныхъ русскихъ телѣгъ, запрягавшихся каждая одной лошадыю; для нашего передвиженія были куплены три верховыя лошади, изъ коихъ одна—заводная. Казаки имѣли своихъ собственныхъ строевыхъ лошадей, съ которыми они прибыли изъ Маньчжуріи.

Наши запасы. Наши продовольственные запасы состояли изъ 12 пудовъ сухарей, выпеченныхъ въ Троицкосавскѣ, нѣкотораго количества муки, крупы, соли, чаю, сахару и чайныхъ печеній. Продовольствія бралось нами, сравнительно, немного, потому что мы имѣли въ виду посѣтить Ургу, гдѣ могли пополнить свои запасы.

Многіе считаютъ сухари необходимой принадлежностью экспедиціоннаго снаряженія; однако, опытъ этой поѣздки заставилъ меня отнестись къ этому вопросу вполне отрицательно. Сухари занимали на нашихъ телѣгахъ чрезвычайно много мѣста, сильно перетирались отъ тряски и частыхъ перегрузокъ и въ концѣ концовъ портились, либо отъ плѣсени, либо отъ особаго червячка, заводившагося въ нихъ. Въ общемъ же, я

пришелъ къ убѣжденію, что болѣе цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ продовольственнаго вопроса является возка муки, занимающей, сравнительно съ сухарями, весьма мало мѣста, но за то требующей нѣкотораго искусства и потери времени для превращенія ее въ какой-либо съѣдобный продуктъ. На случай невозможности печенія хлѣба, полезно имѣть съ собой нѣкоторый запасъ муки изъ поджаренныхъ зеренъ, такъ называемой «дзамбы» («болосонъ-гуриль»), весьма распространенной въ Центральной Азіи. Эту муку можно ѣсть въ ея натуральномъ видѣ, всыпая ее въ чай, или даже въ горячую воду.

Наши прочіе запасы заключали въ себѣ свѣчи, спички, нѣкоторые слесарные и плотничьи инструменты, ботаническую бумагу для гербарія, матеріалы и приборы для препарированія птицъ, охотничьи принадлежности, небольшую аптечку съ наиболѣе необходимыми медикаментами, нѣсколько дюжинъ фотографическихъ пластинокъ, а также около пуда китайскаго вѣсового серебра.

Послѣднее, къ сожалѣнію, взято было нами въ излишнемъ количествѣ, потому что, какъ оказалось впослѣдствіи, область распространенія нашихъ денежныхъ знаковъ весьма обширна въ Монголіи и населеніе въ этихъ мѣстахъ гораздо охотнѣе беретъ наши деньги, чѣмъ китайское серебро. Вслѣдствіе этого, возвращаясь зимой изъ путешествія, я привезъ обратно въ Ургу болѣе половины взятаго мною серебрянаго запаса.

Для бивачной жизни мы имѣли три палатки, войлоки и брезенты. Теплая одежда имѣлась у насъ въ небольшомъ количествѣ, потому что въ Троицкосавскѣ обзавестись ею оказалось невозможнымъ и пришлось въ этомъ отношеніи возложить свои надежды всецѣло на Ургу.

Все перечисленное мною экспедиціонное имущество, съ добавленіемъ астрономическихъ, геодезическихъ и метеорологическихъ инструментовъ и приборовъ, уложенныхъ въ нѣсколькихъ ящикахъ, было распредѣлено по тремъ телѣгамъ, причемъ грузъ каждой изъ нихъ не превосходилъ 20 пудовъ.

Наше инкогнито. По требованію нашего посланника въ Китаѣ, мы должны были путешествовать по Монголіи въ качествѣ частныхъ лицъ, а потому всю нашу форменную одежду пришлось оставить въ Троицкосавскѣ; я съ М. О. Круковскимъ

переодѣлись въ штатское, казаки—одѣлись по бурятски и въ такомъ видѣ мы покинули русскіе предѣлы утромъ 29 іюня.

Въ заграничномъ паспортѣ, выданномъ намъ Кяхтинскимъ пограничнымъ комиссаромъ, на четырехъ языкахъ (русскомъ, монгольскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ) было написано, что мы—частные люди, ученые, ѣдущіе съ вольнонаемными слугами. Однако, дѣйствительность идетъ часто въ разрѣзъ съ различными ухищреніями людей, особенно, если они не вызываются необходимостью и никого въ Монголіи этотъ паспортъ не вводилъ въ заблужденіе и вездѣ хорошо знали—кто мы и зачѣмъ мы ѣдемъ. Къ тому же я убѣдился, что обнаруженіе моего дѣйствительнаго званія не только не вредило дѣлу экспедиціи среди монгольскаго и китайскаго населенія, но даже способствовало и облегчало его, что заставило меня впослѣдствіи не скрывать своего званія.

Составъ экспедиціи. Во время своего пребыванія въ Троицко-савскѣ мы пытались найти человѣка, свѣдущаго въ препарированіи птичьихъ и звѣриныхъ шкуръ, либо склоннаго выучиться этому подъ руководствомъ моего сотрудника М. О. Круковского. Такой помощникъ былъ бы намъ весьма полезенъ въ нашихъ зоологическихъ сборахъ, но, къ сожалѣнію, въ Троицкосавскѣ не нашлось для этого подходящаго человѣка. Въ виду этого, съ первыхъ же дней путешествія пришлось приспособить къ этому дѣлу одного изъ нашихъ казаковъ—Иванова, обнаружившаго въ этомъ отношеніи большія способности.

Въ наемныхъ переводчикахъ мы не нуждались, потому что не только пятеро казаковъ-бурятъ свободно владѣли монгольскимъ языкомъ, который являлся для нихъ роднымъ языкомъ, но даже шестой казакъ, изъ русскихъ, могъ объясняться съ монголами.

Такимъ образомъ, экспедиція состояла изъ восьми человѣкъ, изъ коихъ шесть казаковъ были вооружены винтовками, къ которымъ мы имѣли запасъ патроновъ по 150 штукъ на винтовку. Кромѣ этого вооруженія, у насъ имѣлось 2 охотничьихъ ружья и нѣсколько револьверовъ.

Выступленіе въ Монголію. Двухнедѣльное пребываніе въ Троицкосавскѣ не оставило въ насъ пріятныхъ воспоминаній.

Захолустный сонный городъ, раскинутый на пологихъ скатахъ невысокихъ, пустынныхъ горъ, кое-гдѣ покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, производитъ впечатлѣніе тоскливое и безжизненное. Несмотря на работы и хлопоты по снаряженію, мы томились отъ продолжительнаго пребыванія въ этой скучной, однообразной обстановкѣ, особенно же въ періодъ дождливой погоды, стоявшей во второй половинѣ іюня, и рвались въ дорогу, въ степь, въ горы, къ свободнымъ и первобытнымъ условіямъ кочевой жизни путешественника.

Наконецъ, 29 іюня, около полудня, въ жаркій, солнечный день, мы покинули предѣлы отечества. Нашъ обозъ медленно потянулся по широкимъ, гладкимъ улицамъ Троицкосавска; навстрѣчу намъ группами шли одѣтые по праздничному горожане, возвращавшіеся изъ городского собора, съ высокой колокольни котораго еще неслись надъ городомъ густые звуки колокольнаго звона, послѣдніе звуки дорогой родины...

Вотъ и городское кладбище, обширное и нарядное, съ красивой церковью, съ высокой, каменной оградой, протянувшееся вдоль шоссе, ведущаго на Кяхту.

Кяхта. А вотъ и сама Кяхта,—не то маленькій городъ, не то слобода, разбросавшая свои постройки по берегу небольшого ручья, вокругъ величественнаго собора.

Какое то странное, тоскливое впечатлѣніе производила на меня эта старая, угасшая Кяхта, этотъ оскудѣвшій форпостъ русской предприимчивости на далекой, азіатской окраинѣ. Когда ѣдешь среди этихъ старинныхъ домовъ сибирской постройки, съ обширными дворами, обнесенными высокимъ тесомъ, съ многочисленными службами, со слѣдами былой, широкой купеческой жизни, кажется, что что-то старое и могучее, какіе-то призраки безвозвратнаго прошлаго глядятъ изъ этихъ оконъ, то заколоченныхъ, то закрытыхъ тяжелыми ставнями, изъ этихъ дворовъ, опустѣвшихъ и поросшихъ травой... Кяхта заглохла, бойкая жизнь богатаго, торговаго города замерла и старые, купеческіе дома стоятъ теперь пустые, заброшенные и унылые. И одинъ лишь кяхтинскій соборъ, величавый и старый, бодро вздымаетъ къ голубому, ясному небу свои золоченые купола, вокругъ которыхъ еще витаетъ былая слава кяхтинскаго купечества...

Маймаченъ. Мы проѣхали Кяхту,—проѣхали длинный рядъ полузаброшенныхъ домовъ, бульваръ, густо заросшій травой, какія-то деревенскія хижины; вотъ уже и городскія ворота Маймачена. Маймаченъ—китайскій пограничный городъ, возникшій, сравнительно въ недавнее время рядомъ съ Кяхтой, разроставшійся и богатѣвшій одновременно съ ея угасаніемъ. Подобно всѣмъ китайскимъ городамъ онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ взаимно перпендикулярныхъ улицъ, часть которыхъ имѣетъ направленіе съ сѣвера на югъ, а прочія—съ востока на западъ. Улицы тѣсно застроены китайскими лавками, съ ихъ характерными, опрятно содержимыми дворами, украшенными висячими фонарями, цвѣтами въ горшкахъ, клѣтками съ пѣвчими птицами; надъ воротами лавокъ прибиты цвѣтныя, китайскія вывѣски, рядомъ съ которыми мѣстами красуются на деревянныхъ дощечкахъ, либо холстинахъ, безграмотные переводы этихъ вывѣсокъ на русскій языкъ. Насколько чисто во дворахъ лавокъ, настолько грязно на узкихъ, немошенныхъ улицахъ, на которыя выносятся всевозможныя нечистоты.

Весь этотъ маленькій, китайскій городъ опоясанъ высокой, глиняной стѣной, образующей довольно обширный четырехугольникъ, съ четырьмя воротами по сторонамъ. У южныхъ воротъ находится резиденція китайскаго дзержучея (по нашему градоначальника), представляющая собой, обычнаго въ Китаѣ типа, ямунь, въ которомъ расположены, кромѣ квартиры дзержучея,—его канцелярія и помѣщеніе китайскихъ чиновниковъ.

Внѣ городскихъ стѣнъ, поблизости южныхъ воротъ, среди большой площади возвышается китайская кумирня, а площадь обстроена нѣсколькими десятками невзрачныхъ китайскихъ фанзъ, образующихъ нѣчто въ родѣ предмѣстья. Здѣсь сосредоточены, преимущественно, лѣсные дворы, плотничьи и столярныя мастерскія, но, кромѣ того, здѣсь же ютятся, вообще, китайскіе ремесленники.

Маймаченъ заселенъ исключительно пришлымъ китайскимъ людомъ, выходцами изъ внутреннихъ областей Китая, которые никогда не устраиваются здѣсь на постоянное жительство, а всегда, рано или поздно, возвращаются на родину. Они приходятъ сюда безъ семей, безъ женщинъ, живутъ здѣсь и торгуютъ со свойственнымъ китайцамъ трудолюбіемъ и смѣт-